

DOI: 10.15372/HSS20180303
УДК 329.15-051"1927"

В.И. ШИШКИН

**ПЕРСОНАЛЬНОЕ ДЕЛО КОММУНИСТА В.Б. ЭЛЬЦИНА
(СЕНТЯБРЬ 1927–ФЕВРАЛЬ 1928 г.)**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье выясняются политические практики, которые в сентябре 1927 – январе 1928 г. использовало руководство ВКП(б) против оппозиционера В.Б. Эльцина – одного из ярких представителей молодого поколения большевиков, активно проявивших себя во время революции и гражданской войны, получивших хорошее образование, отличавшихся высокой активностью и принципиальностью. В статье сформулирован вывод о том, что против Эльцина были последовательно применены три репрессивные меры: в конце сентября 1927 г. – высылка из Москвы в Сибирь, закамфлированная под откомандирование в порядке партийной дисциплины; в середине ноября – исключение из рядов ВКП(б) на основании обвинения во фракционной деятельности; в январе 1928 г. – административная ссылка в Усть-Вым автономной области Коми (Зырян).

Ключевые слова: В.Б. Эльцин, Сибирская партийная организация, Сибкрайком ВКП(б), внутривнутрипартийная борьба, дискуссия, оппозиция, троцкизм, фракция, контрольная комиссия, политические практики.

V.I. SHISHKIN

**THE PERSONAL AFFAIR OF V.B. ELTSIN, A COMMUNIST
(SEPTEMBER 1927–FEBRUARY 1928)**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The aim of this paper is understanding political practices, which were used by the leadership of AUCP(b) in the struggle against intraparty opposition in the mid -1920s. The determination of institutes and “technologies” (instruments, mechanisms and methods), used by Stalin’s majority of the ruling Communist party against its opponents, will permit to get a more complete and objective idea about the state of the political sphere of the Soviet society of that time and the trends of its development, the political culture of different factions of the Bolshevik party, about the causes of the victory won by I.V. Stalin and his supporters over the opposition. The object of research is the Bolshevik-opponent Victor Eltsin, the subject of research is his political behavior and the arsenal of methods, used by the party leadership against him. Victor Eltsin was chosen as the subject and object of the research due to two reasons. Firstly, he was a son of B.M. Eltsin, who belonged to the thin layer of Bolsheviks, who were considered to be “the old party guard”; secondly, Victor Eltsin was a bright representative of a young generation of Bolsheviks, who had shown his worth during the revolution, the civil war and the first half of NEP, due to which he was known among the party elite and wide communist environment. The methodology is based on double reflection, where a retrospective research strategy of a biographical method is combined with the strategy of case study. The author of the article comes to the conclusion that three repressive measures were used against Eltsin: at the end of September of 1927 a temporary assignment by way of party discipline (in fact – an exile) from Moscow to Siberia; in the middle of November – the expulsion from the rows of AUCP(b) based on the charge in faction anti-party activity; in January of 1928 – an administrative exile to Ust-Vym of the autonomous region Komi (Zyrian). Since the autumn of 1927 the above mentioned repressive measures began to play a less important role in the arsenal of political practices, used by Stalin’s leadership of AUCP(b).

Key words: V.B. Eltsin, Siberian party organization, Sibkraicom of AUCP(b), intraparty struggle, discussion, opposition, trotskism, faction, control commission, political practices.

Владимир Иванович Шишкин – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН; профессор, Новосибирский государственный университет, профессор, e-mail: patric@academ.org.

Vladimir I. Shishkin – Doctor of History, professor, Chief Researcher, Institute of History SB RAS, professor, Novosibirsk State University.

Политическая сфера советского общества середины 1920-х годов была богато насыщена событиями и процессами разного характера, направленности, масштаба, уровня и значения. Однако не подлежит сомнению, что ее основное содержание, динамика, ритмичность и результаты в решающей степени задавались и детерминировались правившей коммунистической партией и в значительной мере являлись отражением того, что происходило внутри РКП(б) – ВКП(б).

С конца 1923 г. безусловным мейнстримом внутрипартийной жизни являлась борьба, которая велась между сталинским большинством Центрального комитета РКП(б) и оппозицией. В советской историографии, некритически воспроизводившей в качестве своих выводов решения пленумов ЦК, XIV и XV партконференций, XIV и XV съездов партии, утверждалось, что к концу 1927 г. оппозиция потерпела идейное и организационное поражение. Но расхождения, которые имелись между большинством ЦК и оппозицией в теоретической сфере, аргументация сторон и ход идейной борьбы в публикациях советских историков получили фрагментарное и крайне одностороннее освещение. Еще хуже обстояло дело в советской историографии с показом того, как и почему оппозиция была разгромлена организационно.

Несмотря на то, что за последние три десятка лет в России вышли в свет многочисленные воспоминания, документальные публикации и научные исследования, в которых вопрос о внутрипартийной борьбе середины 1920-х годов нашел более полное и объективное освещение, считать его основательно изученным нельзя. Одной из серьезных исследовательских лакун остаются политические практики, которые использовало большевистское руководство в борьбе против оппозиции. В настоящей статье ставится задача частично ликвидировать указанный пробел, проанализировав обстоятельства и «технологии» исключения из ВКП(б) Виктора Эльцина.

Выбор в качестве темы специальной статьи, казалось бы, частного случая сделан осознанно и целенаправленно.

Прежде всего учитывалось то обстоятельство, что Виктор Эльцин был сыном Бориса Михайловича Эльцина, принадлежавшего к тому тонкому слою большевиков, которых считали «старой партийной гвардией». Б.М. Эльцин вступил в РСДРП в 1897 г. С тех пор и до Февральской революции он практически постоянно сочетал работу на врачебном поприще с нелегальной деятельностью, за что подвергался арестам, тюремному заключению, высылкам, был вынужден совершить побег из-под суда и три года скрывался от властей.

Во время революции 1917 г., гражданской войны и в первые годы нэпа Б.М. Эльцин занимал крупные посты в местных и центральных партийных и советских органах: состоял членом коллегии НКВД, членом малого Совнаркома, наркомом социального обеспечения Украины, входил в руководство Главполитпросве-

та¹ [1, с. 29, 53, 82–83; 2, с. 20–27]; являлся делегатом VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов, VIII и IX съездов РКП(б). В 1922–1927 гг. под его редакцией четырежды многотысячными тиражами издавался «Политический словарь», ориентированный на среднеобразованного читателя и содержащий краткое научно-популярное объяснение наиболее общепотребительных терминов. Благодаря всему этому Б.М. Эльцин был хорошо известен в элите и в широкой коммунистической среде. Для своих детей, в том числе Виктора, в вопросах политики он был безусловным авторитетом.

Еще более важным соображением, в силу которого Виктор Эльцин избран в качестве объекта исследования, был его жизненный путь. Если говорить о нем обобщенно и забегая вперед, то нужно отметить, что Виктор Эльцин являлся ярким представителем молодого поколения большевиков, активно проявивших себя во время революции, гражданской войны и в первые годы нэпа.

Конечно, биография, заслуги и известность Эльцина-сына были намного скромнее, чем его отца². Он родился 22 декабря 1898 г. в Могилеве, в 1916 г. окончил реальное училище в Уфе и поступил учиться в только что открывшееся Пермское отделение Петроградского университета. Но после Февральской революции политические события увлекли и захватили студента. В августе 1917 г., находясь на каникулах в Уфе, где жили родители, он вступил в РСДРП(б). С тех пор большевистская партия во всем многообразии ее проявлений заняла в жизни молодого человека центральное место.

Во время революции и гражданской войны места работы и должности младшего Эльцина менялись с калейдоскопической быстротой, из-за чего точно назвать и датировать их оказалось довольно сложно. В августе 1917 г. он являлся партийным пропагандистом в Уфе, в августе–ноябре 1917 г. – членом Мотовилихинского комитета РСДРП(б), в декабре 1917 – апреле 1918 г. – заведующим отделом управления Пермского губисполкома Советов, в мае–июле 1918 г. служил рядовым красноармейцем в отряде особого назначения, в августе–декабре 1918 г. входил в руководство Вятского губисполкома Советов, в том числе около месяца был его председателем. С марта 1919 г. Виктор Эльцин занимался политработой на Восточном фронте, в том числе заведовал политотделом дивизии³.

С конца ноября 1919 г. В.Б. Эльцин в составе походного отделения Сибирского ревкома занимался реорганизацией и инструктажем созданных партизанами и повстанцами Алтайского губернского и Семипалатинского областного ревкомов, причем

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-539. Оп. 3. Д. 7484. Л. 2.

² В литературе и в Интернете о В.Б. Эльцине имеются небольшие и малодостоверные биографические справки, в которых неверно указан даже год его рождения. – См., например: [3, с. 22].

³ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 26, 31.

несколько дней возглавлял первый из них⁴. Позднее он вел политработу среди командного и рядового состава партизан Алтайской и Енисейской губерний, принимал участие в нормализации отношений между партизанскими формированиями и частями Красной армии, в ликвидации недоразумений и конфликтов между ними [4].

В апреле 1920 г. В.Б. Эльцин был направлен на хозяйственный фронт. До конца года он являлся уполномоченным Сибугля по партийно-политической работе на копиях Кузнецкого бассейна⁵. В начале 1921 г. его перебрали на Юг, где первые полгода Эльцин работал председателем правления Криворожского рудничного района, следующие полгода – секретарем Евпаторийского уездно-городского (окружного) комитета РКП(б) в Крыму. В Евпатории Эльцин успешно прошел «генеральную чистку» и получил новый партийный билет, что свидетельствовало о безупречности его политической репутации.

В начале 1922 г. В.Б. Эльцин вернулся в Москву, которая являлась центром притяжения всех революционеров, так как именно здесь вершились судьбы партии, России и мировой революции. В столице он хотел продолжить обучение. Немаловажно было и то, что в Москве жили отец, младшие брат и сестра, нуждавшиеся в его поддержке. Здесь Эльцин сразу же поступил на курсы марксизма при Социалистической академии, по окончании которых в 1923 г. стал слушателем Института красной профессуры. Учебу Эльцин сочетал с научной, преподавательской и партийной работой⁶.

Вслед за своим отцом, в середине октября 1923 г. подписавшим Заявление 46, в котором были изложены программные положения Л.Д. Троцкого и его сторонников, Виктор Эльцин активно включился в оппозиционную деятельность. Уже в начале 1924 г. он участвовал в разъяснении взглядов противников сталинского большинства ЦК в Петрограде⁷ [5, с. 172, 199].

В начале 1926 г. к троцкистам присоединились сторонники Г.Е. Зиновьева – так называемая новая оппозиция. Противники сталинского большинства ЦК стали называться объединенной троцкистско-зиновьевской оппозицией. Один из современных исследователей считает, что ядром сформировавшейся оппозиционной среды являлись нелегальные группы, состоявшие из лидеров, активистов и рядовых членов [6]. Эльцин-сын не принадлежал к лидерам, но, безусловно, входил в число наиболее активных, инициативных и устойчивых членов оппозиции.

⁴ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 2. Л. 32; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 2277. Л. 12–17; Власть Советов. Орган Сибирского походного революционного комитета и Алтайского губернского революционного комитета. Барнаул, 17 декабря 1919 г.; Знамя борьбы и труда. Семипалатинск, 18 декабря 1919 г.

⁵ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-100. Оп. 2. Д. 1526. Л. 1–7.

⁶ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 26, 27, 31; ГА РФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 120. Л. 1–9.

⁷ Правда. 1924. 9 янв.

Активность, принципиальность и последовательность Виктора Эльцина по достоинству оценили как лидеры оппозиции, так и официальное партийное руководство. В мае 1925 г., судя по всему – по совету Троцкого, он поменял основное место работы: с преподавательской деятельности в Коммунистическом университете трудящихся Востока перешел в Государственное издательство, где его главной обязанностью стала подготовка к изданию многотомного собрания сочинений Троцкого. Тогда же Троцкий, занимавший должность председателя Главного концессионного комитета СССР, взял Эльцина к себе личным секретарем.

В свою очередь сторонники И.В. Сталина попытались создать для деятельности младшего Эльцина искусственные трудности. В ход пошел стандартный, но эффективный прием: переброска на другую работу в порядке партийной дисциплины. 18 июня 1926 г. Секретариат ЦК принял немотивированное постановление о его откомандировании из Москвы в Сибирь, что являлось скрытой формой высылки. Однако Троцкому удалось заблокировать это постановление. 28 июня 1926 г. он обратился в Оргбюро ЦК с просьбой оставить Виктора Эльцина в Москве на один год для подготовки к изданию его трудов. Оргбюро почти месяц вопрос не рассматривало, держа Троцкого и Эльцина в напряжении. Только 26 июля оно заслушало ходатайство Троцкого и постановило «удовлетворить просьбу тов. Троцкого об оставлении т. Эльцина в Москве»⁸. Тем не менее, активная оппозиционная деятельность Эльцина не прошла для него безнаказанно. 8 ноября 1926 г. Московская контрольная комиссия ВКП(б) объявила ему строгий выговор «за участие во фракционной работе»⁹.

В конце мая 1927 г. объединенная оппозиция обнародовала свою платформу – Заявление 83. Среди подписавших этот документ большевиков-ленинцев, как именовали себя оппозиционеры, вторым по стажу пребывания в партии значился старший Эльцин. Правда, в 1924–1925 гг. он тяжело болел, из-за чего почти отошел от активной партийной деятельности. В 1925 г. Борис Михайлович был вынужден перейти на работу из Главполитпросвета в Госплан РСФСР, но связь с Троцким и его сторонниками, в том числе через сына, продолжал поддерживать.

Поскольку по мере приближения к XV съезду ВКП(б) накал борьбы между большинством ЦК и оппозицией нарастал, сторонники Сталина максимально использовали имевшиеся у них властные рычаги для того, чтобы ослабить оппозицию. Тогда же они попытались удалить из Москвы В.Б. Эльцина, являвшегося одним из ближайших и наиболее деятельных сотрудников Троцкого. 16 сентября 1927 г. Секретариат ЦК принял постановление, в соответствии с которым Эльцин должен был в течение недели выехать в распоряжение Сибкрайкома ВКП(б) для преподавательской

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 653. Л. 6; Оп. 113. Д. 215. Л. 2.

⁹ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 28.

работы. Но Эльцин отказался получить путевку и обратился в Оргбюро ЦК с заявлением, в котором ходатайствовал об отсрочке его откомандирования, мотивируя свою просьбу отсутствием в Москве Троцкого, сочинения которого ему было поручено издать.

17 сентября это заявление было обсуждено опросом секретарей ЦК, по итогам которого было вынесено решение, оформленное постановлением Секретариата ЦК от 23 сентября. Оно обязывало Эльцина «в недельный срок выехать в распоряжение Сибкрайкома». Троцкий и Эльцин обратились в Политбюро ЦК с просьбой отменить это решение. Однако 29 сентября 1927 г. Политбюро, напомнив о письме Троцкого годичной давности, подтвердило постановление Секретариата от 23 сентября 1927 г., обязав Эльцина в течение недели выполнить указание высшего партийного органа¹⁰.

Видимо, в начале октября 1927 г. В.Б. Эльцин выехал в Сибирь, заручившись договоренностью в ЦК партии о том, что он откомандирован «исключительно для педагогической работы как окончивший Институт красной профессуры по отделению истории Запада». Прибыв 15 или 16 октября в Новосибирск, Эльцин предоставил в Сибкрайком путевку, в которой было указано, для какого рода деятельности ЦК направил его в Сибирь.

Несомненно, руководство крайкома хорошо знало, кто такой В.Б. Эльцин и почему он откомандирован в Сибирь. Именно поэтому оно не спешило с его трудоустройством. Такую задержку Эльцин квалифицировал как волокиту, но использовал возникшую паузу для установления связи с местными оппозиционерами, ранее откомандированными в Новосибирск из Москвы и Ленинграда: Н.П. Мясниковым, Н.Я. Пекарь-Орловым, М.И. Сумецким, Д.Б. Чарным и Д.С. Шейнбергом. Лишь 25 октября 1927 г. бюро Сибкрайкома на своем закрытом заседании приняло решение откомандировать Эльцина в распоряжение Томского окружкома партии на преподавательскую работу в вузах¹¹.

На следующий день Эльцин выехал в Томск. Однако руководство Томского окружкома не предоставило ему соответствующую работу, поскольку, как оно 31 октября сообщило Сибкрайкому телеграммой, «преподавательский состав ВУЗов по всем общественно-политическим дисциплинам укомплектован партияцами, которые вполне отвечают предъявляемым требованиям». Вместо преподавания в вузах Томский окружком предложил выпускнику престижного Института красной профессуры другую работу, от которой тот категорически отказался. Исходя из этого, 2 ноября руководство Томского окружкома приняло решение откомандировать Эльцина в распоряжение Сибкрайкома¹².

Вернувшись в Новосибирск, Эльцин 5 ноября написал в бюро Сибкрайкома ВКП(б) заявление, выдер-

жанное в довольно жестких тонах. В нем говорилось: «[...] Я вынужден заявить в бюро Сибкрайкома энергичный протест против подобного отношения ко мне». В заключение «красный профессор» обратился в бюро Сибкрайкома с просьбой, если оно не в состоянии обеспечить его преподавательской работой в вузах, отправить обратно в распоряжение ЦК ВКП(б)¹³.

В это время в Сибирской партийной организации набирала обороты предсъездовская дискуссия между сталинским большинством ЦК и объединенной оппозицией. Ко времени возвращения Эльцина из Томска в Новосибирск решающий раунд борьбы в краевом центре уже завершился. Дискуссия перемещалась в окружные города и рабочие районы. В соответствии с секретной директивой бюро Сибкрайкома для участия в собраниях партийных ячеек и районных конференциях направлялись специально подготовленные ответственные партработники. Накануне десятой годовщины Октябрьской революции немногочисленные новосибирские оппозиционеры тоже решили отправиться в турне по разным городам, но только не по партийным поручениям, а в порядке частной инициативы¹⁴ [7, с. 85–88].

Совершенно естественно, что Эльцин не остался в стороне от этих событий. 8 ноября вместе с сотрудником Сибстатуправления Чарным он отправился в Омск, не получив на поездку разрешение Сибкрайкома. Это дало основание официальным властям присвоить им оскорбительную кличку «гастролеры». Действительная же причина такого поведения заключалась отнюдь не в пренебрежении партийной дисциплиной. Дело в том, что их отъезд на открывавшуюся в среду в Омске дискуссию совпал с выходными днями, что не позволило оформить командировку в Сибкрайкоме.

В Омске Эльцин встретился с секретарем окружкома Н.А. Филатовым, сообщил ему о цели приезда и обратился с просьбой предоставить возможность принять участие в дискуссии на собраниях в ячейках, на что последний дал свое устное согласие. 10 ноября Чарный и Эльцин отправили в Новосибирск заместителю председателя Сибкрайсовнархоза В.В. Дьякову, у которого проживал Эльцин, телеграмму с просьбой проинформировать Сибкрайком и заведующего Сибстатуправлением В.А. Каврайского о том, что они возвратятся в Новосибирск 14 ноября¹⁵.

Ко времени приезда Эльцина в Омск благодаря массовой пропаганде партийного аппарата, в ложном свете представлявшего взгляды оппозиционеров как врагов единства, раскольников и даже пособников контрреволюции, они были основательно дискредитированы в глазах большинства рядовых коммунистов. В рабочих ячейках ВКП(б) Чарного и Эльцина сначала даже не хотели допускать на собрания. Но при содействии райкомов и Филатова Эльцина согласились выслушать на собраниях ячеек службы пути,

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 653. Л. 6; Оп. 113. Д. 331. Л. 6, 86.

¹¹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 14. Л. 283.

¹² Там же. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 2, 4.

¹³ Там же. Л. 3.

¹⁴ Там же. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 14. Л. 283.

¹⁵ Там же. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 7–8, 11.

механического цеха главных железнодорожных мастеровских и водников¹⁶.

В своих выступлениях в Омске Эльцин не ограничился обсуждением вопросов повестки дня XV съезда: о пятилетнем плане и о работе в деревне. Он пытался разъяснить рядовым коммунистам сущность политики и расхождения между большинством ЦК и оппозицией по широкому спектру внутренних и международных вопросов. В своих выступлениях Эльцин прямо утверждал, что большинство ЦК лишило оппозицию возможности открыто пропагандировать свои взгляды и критиковать ошибки руководства ЦК, из-за чего она, по сути дела, была вынуждена действовать нелегально и даже организовать собственную типографию. Он заявил, что в октябре 1917 г. колебались не только Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев, но и И.В. Сталин; со ссылкой на призыв Н.И. Бухарина «Обогащайтесь!» и пожелание секретаря Сибкрайкома С.И. Сырцова «В добрый час» говорил о наличии у ЦК правого, кулацкого уклона.

Совершенно естественно, что предложенные Эльциным резолюции с осуждением политики большинства ЦК не нашли поддержки у коммунистов, если не считать несколько голосов в ячейке водников. Более того, ячейка механического цеха единогласно потребовала исключить оппозиционеров из рядов ВКП(б) в целях сохранения ее единства, а ячейка службы пути даже осудила персонально Эльцина за выступление с позиций троцкизма против линии ЦК. Тенденциозно интерпретированная информация о партийных собраниях в Омске с участием Чарного и Эльцина была оперативно доложена в Сибкрайком, а затем опубликована в омских и новосибирских газетах¹⁷.

14 ноября Эльцин вернулся в Новосибирск и подал в бюро Сибкрайкома заявление с просьбой разрешить ему выехать в Анжерку и в Ленинск-Кузнецкий для участия в дискуссии. Но к тому времени сталинское большинство ЦК нанесло по объединенной оппозиции очередной удар: состоявшийся 14 ноября объединенный пленум ЦК и ЦКК принял решение об исключении из ВКП(б) Зиновьева и Троцкого. Ориентируясь на поведение партийных верхов, руководство Сибирской парторганизации резко ужесточило свою позицию. На следующий день Новосибирская окружная контрольная комиссия (ОКК) партии потребовала от Мясникова, Пекарь-Орлова, Чарного, Шейнберга и Эльцина немедленно прибыть в комиссию, поскольку, как утверждалось в ее объявлении, они выезжали «без разрешения парторганов в разные округа Сибири для оппозиционной работы»¹⁸.

16 ноября Эльцин явился в Новосибирскую ОКК. Здесь партследователь Воронин¹⁹ учинил ему трехча-

совой опрос с пристрастием, который на самом деле являлся настоящим допросом.

Во время этой процедуры Воронин задал Эльцину около двух десятков вопросов. Нет смысла подробно пересказывать эти вопросы допрашивавшего и прозвучавшие на них ответы, которые составляют несколько страниц рукописного текста. Отметим только, что значительная часть вопросов партследователя носила откровенно провокационный характер. Например, Воронин интересовался, где и когда Эльцин участвовал в Новосибирске в нелегальных фракционных собраниях, какая связь у него с местными оппозиционерами, какую имеет оппозиционную литературу и где ее получил, в какой типографии отпечатана оппозиционная платформа и как она распространяется, есть ли у оппозиции своя программа и чем определяется ее дисциплина, ведет ли он фракционную работу и намерен ли вести ее дальше.

Эльцин отвечал на вопросы партследователя довольно полно, точно и иногда даже жестко, категорично отметая интерпретацию своего участия во внутрипартийной дискуссии как фракционную деятельность. Он признал, что не только подписал оппозиционную платформу, но и принимал участие в ее разработке, о чем известно партийным органам Москвы.

Наличие у оппозиции собственной программы и особой дисциплины Эльцин отрицал, заявив: «[...] У нас есть общая программа партии, но к XV съезду имеется платформа большевиков-ленинцев. У нас никакой нет оппозиционной дисциплины».

На вопросы о том, известны ли ему последние сообщения партийно-советских газет об оппозиции и со всеми ли ее действиями он согласен, Эльцин ответил, что полностью газетам не доверяет, так как за последние два года «много неточностей, неверных фактов и прямой лжи сообщалось про оппозицию в официальных газетных извещениях», а со всеми теми действиями большевиков-ленинцев, о которых он знает, согласен и несет за них полную ответственность. В том числе Эльцин назвал несколько конкретных случаев, когда недостоверную информацию давал орган ЦК партии – газета «Правда».

Столь же определенно высказался Эльцин по вопросу об исключении из ВКП(б) 14 ноября пленумом ЦК и ЦКК Троцкого и Зиновьева. «[...] Считаю это постановление неправильным, – заявил он, – тем более, что оно вынесено накануне XV съезда. Этот акт

русский, из крестьян. Три года учился в сельской школе. С 1903 по 1909 г. работал ткачом, с 1909 по 1917 г. – слесарем. В конце весны 1917 г. вступил в РСДРП(б). В мае–ноябре 1917 г. был председателем фабрично-заводской ячейки. В мае–октябре 1918 г. состоял членом Александровского уездного комитета РКП(б). С апреля по ноябрь 1919 г. служил в Красной армии политкомом полка. С сентября 1920 г. заведовал отделами Переславльского и Судогодского уездных комитетов РКП(б), Славгородского уездного исполкома Советов, с сентября 1925 г. был инструктором Славгородского окружного комитета РКП(б), затем – ответственным секретарем партколлегии Славгородской окрКК. С 19 сентября 1927 г. работал партследователем Новосибирской окрКК.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 5.

¹⁷ Там же. Оп. 4. Д. 26. Л. 39, 41–43, 46–49; Д. 33. Л. 34–35; Советская Сибирь. 1927. 13, 16 и 17 нояб.

¹⁸ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 6; Советская Сибирь. 1927. 16 нояб.

¹⁹ Воронин Иван Иванович родился 7 июля 1888 г. в д. Наумова Александровской вол. Александровского уезда Владимирской губ.,

есть нарушение не только внутри[партийной] демократии, но и [является] таким шагом, который будет иметь своим последствием дезорганизацию партийного авангарда, ослабление ленинского крыла в партии, усиление правого крыла, неленинского крыла в нашей партии и сплочение устряловских элементов в советской стране».

Наконец, на заключительный вопрос Воронина: «Ведете ли сейчас фракционную работу и намерены ли вести ее дальше[?]», Эльцин дал такой ответ: «Сейчас фракционной работы не веду, ибо борюсь за исправление линии в партии в так называемой дискуссии. В дальнейшем – зависит от решения съезда и тех условий, которые тогда создадутся в партии»²⁰.

В тот же день Воронин представил в Новосибирскую ОКК заключение по делу Эльцина. Составлено оно было неграмотно, тенденциозно, но ожидаемо по выводам. Первоначально партследователь обвинил Эльцина в том, что он состоит во фракционной группе, принимал непосредственное участие в выработке оппозиционной платформы и отказался назвать методы ее распространения, дискредитировал парторганы, нарушил партдисциплину.

Затем к этим обвинениям Воронин присовокупил участие Эльцина в демонстрации на Ярославском вокзале, тесную связь с новосибирскими оппозиционерами, посещение их собраний, категорический отказ от работы, предложенной Томским окружкомом, дискредитацию Сибкрайкома, клевету на газету «Правда» и др. Из этого Воронин сделал выводы о том, что Эльцин является одним из активных оппозиционеров, стремится «систематически разрушать и подрывать единство партийных рядов», тогда как «о каком бы то ни было исправлении своих ошибок и прекращении антипартийной работы Эльцин и не думает»²¹.

На следующий день состоялось заседание президиума Новосибирской ОКК, на котором присутствовали Воронин и Эльцин. Сохранилась не очень качественная стенограмма этого заседания. По делу Эльцина докладывал Воронин, который повторил все обвинения, которые раньше сформулировал в своем заключении. Однако в протоколе заседания было записано, что Эльцин обвиняется только в трех антипартийных проступках: «В участии в нелегальной выработке платформы и ее распространении. Отказался выполнять предложенную ему парторганизациями работу. Дезертировал без согласия на то парторганов в другой округ для ведения фракционной работы».

В своем ответном выступлении Эльцин доказал недостоверность и даже абсурдность предъявленных ему обвинений и признал только одно из них: поездку в Омск без разрешения парторганов. Но он очень четко назвал цель, которую преследовал Воронин: «Все эти обвинения выдуманы [для] того, чтобы исключить меня из партии».

Эльцин довольно убедительно показал, что в течение двух лет внутривнутрипартийной борьбы не оппозиция, а большинство ЦК нарушало все достигнутые договоренности, в том числе по вопросу о снижении накала этой борьбы. Свое выступление он закончил такими словами: «Мы считаем, что боремся не против партии, а за партию, боремся против неправильной политики в партии. Мы считаем нашу борьбу в интересах пролетарской диктатуры. Мы считаем, что наша борьба укрепляет пролетарскую диктатуру и поэтому ведем борьбу внутри партии»²².

Тем не менее, президиум Новосибирской ОКК, основываясь на заключении и докладе партследователя, единогласно принял постановление, которое гласило: «Считать фракционную деятельность тов. Эльцина явно антипартийной, направленной к созданию внутри ВКП(б) другой, меньшевистской партии, чуждой ленинизму и пролетарской революции. Эльцина из рядов ВКП(б) исключить». Некоторое время спустя Воронин вручил Эльцину выписку из протокола заседания президиума ОКК, а исключенный сдал ему свой партбилет²³.

Тем не менее, Эльцин не согласился с решением президиума Новосибирской ОКК. 22 ноября он подал в Сибирскую краевую контрольную комиссию (ККК) ВКП(б) апелляцию, в которой пункт за пунктом разобрал обвинения, предъявленные ему на заседании президиума ОКК, и показал их несостоятельность: участвовал в выработке платформы большевиков-ленинцев не нелегально, а легально; нелегальным распространением платформы не занимался; постановление ЦК и Сибкрайкома об откомандировании в Томский окружком для преподавательской работы в вузах выполнил; в Омск не дезертировал для ведения фракционной работы, а выехал открыто для участия в дискуссии; выступал в дискуссии с санкцией секретаря местного окружкома. Эльцин обратился в Сибирскую ККК с просьбой пересмотреть решение об его исключении из партии²⁴.

Судя по всему, примерно по такой же схеме развивались события с Мясниковым, Пекарь-Орловым, Чарным и Шейнбергом. Первые трое из них 13 сентября уже привлекались Сибирской ККК к ответственности за фракционную деятельность и подвергались наказанию. 17 ноября все они, как и Эльцин, были исключены Новосибирской ОКК из ВКП(б) за фракционную работу, но подали апелляции в Сибирскую ККК. 29 ноября состоялось заседание ее секретариата, на которое были приглашены все исключенные оппозиционеры. Однако какие-либо сведения о том, что происходило на заседании и чем оно закончилось, пока не обнаружены²⁵.

Правда, удалось найти два заключения, которые подготовил для Сибирской ККК один из ее чле-

²² ГАНО. Ф. П-6. Оп. 4. Д. 15. Л. 337, 448.

²³ Там же. Оп. 2. Д. 3877. Л. 13.

²⁴ Там же. Л. 14.

²⁵ Там же. Л. 30; Советская Сибирь. 1927. 20 нояб.

²⁰ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 7–10.

²¹ Там же. Л. 12.

нов – большевик с июня 1920 г., бывший рабочий Ф.Ф. Остренко²⁶. Одно из них – о поездке Чарного и Эльцина в Омск, другое – по делу Эльцина.

В первом заключении Остренко, основываясь только на дискуссионных выступлениях Чарного и Эльцина на партсобраниях в Омске, утверждал, что их деятельность «нужно расценивать как попытку использования дискуссии в[о] фракционных целях, методами клеветы на партию и демагогическими извращениями приведенными партией положений». Исказив показания Чарного и Эльцина, Остренко сформулировал такой вывод: «они не только разделяют взгляды троцкистской оппозиции, но причисляют себя к ее подпольным организациям (мы ушли в подполье, распространяли литературу и т. д.), [что] заставляет поставить вопрос о невозможности пребывания т. т. Чарного и Эльцина в партии»²⁷.

В заключении по апелляционному делу Эльцина Остренко дал трактовку его признаний с позиций сталинского большинства ЦК. Он обвинил Эльцина в неоднократном грубом нарушении партийной дисциплины, в участии в выработке и распространении оппозиционной платформы, во фракционной раскольнической деятельности, ведущей к созданию в СССР второй, троцкистской, партии. Причем Остренко утверждал, что в Сибири Эльцин занимался антипартийной работой даже больше и интенсивнее, чем в Москве, а его заявление партследователю Новосибирской ОКК о своем поведении после XV съезда ВКП(б) заставляет «считать невозможным пребывание тов. Эльцина в рядах ВКП(б)»²⁸.

К последнему заключению Остренко сделал добавление, в котором сообщил, что 29 ноября на квартире Пекарь-Орлова происходило собрание группы оппозиционеров в количестве 13 человек. Остренко утверждал, что в их числе был и Эльцин. «Таким образом, – писал Остренко, – тов. Эльцин, будучи исключенным Новосибирской окрКК, все же антипартийной работы не оставил, а продолжает ее вести даже после своего исключения из рядов партии»²⁹.

Тем не менее, Сибирская ККК секретным пакетом направила Эльцину повестку, обязывавшую его явиться на заседание секретариата комиссии. Однако вскоре выяснилось, что вручать повестку некому, так как Эльцин еще 30 ноября выехал в Москву, поскольку на 1 декабря в столице было намечено открытие XV съезда

ВКП(б). Видимо, точно так же поступили Мясников, Пекарь-Орлов и Чарный. Во всяком случае на состоявшемся 7 декабря заседании секретариата СибККК никто из них не присутствовал. В результате их апелляции рассматривались заочно и только Шейнберга – в его присутствии.

Не менее показательным еще одно обстоятельство. В большевистской партии давно существовала практика, в соответствии с которой контрольные органы рассматривали апелляционные заявления исключительно персонально, поскольку причины и мотивы апелляционных обращений почти всегда имели индивидуальное содержание и различались.

На этот раз общепринятая норма была нарушена. Секретариат СибККК искусственно сформировал из пяти заявителей не существовавшую группу, всем членам которой предъявил одинаковые обвинения: принадлежность к троцкистской фракции, участие во фракционных собраниях, распространение антипартийной литературы, отказ от несения партийных обязанностей, наконец, «явное игнорирование служебных обязанностей (самовольные выезды), партийной дисциплины». В результате СибККК решила утвердить постановление Новосибирской ОКК от 17 ноября об исключении всех апеллянтов, включая Эльцина, из ВКП(б) за фракционную работу³⁰.

Важнейшим рубежом в борьбе сталинского большинства против объединенной оппозиции стал состоявшийся 2–19 декабря 1927 г. XV съезд ВКП(б). Он признал принадлежность к оппозиции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в ВКП(б). Но если до съезда главным инструментом борьбы с оппозиционерами были контрольные органы, а наказания заключались в основном в выговорах, в принудительных переброях и в исключении из партии, то после съезда на первую роль выдвинулась политическая полиция – ОГПУ, которая против бывших оппозиционеров применяла более жесткие меры: аресты, заключение в тюрьмы и внесудебную ссылку в отдаленные районы СССР.

В январе 1928 г. Эльцин был вынужден отправиться по «путевке» ОГПУ на Север, в автономную область Коми (Зырян), которая с 1923 г. уже широко использовалась советскими репрессивными органами для ссылки священнослужителей Русской православной церкви. Вот первые впечатления Эльцина об уездном городе Усть-Выме, куда он был послан, и об областном центре Усть-Сысольске, которыми он поделился со старшим сыном Троцкого – Львом.

«Хуже этого города, – сообщил Эльцин об Усть-Сысольске, – я еще не видел». Тем не менее, он обнаружил и признал преимущества Усть-Сысольска по сравнению с Усть-Вымом. «Но несмотря на столь печальный вид – этот город по сравнению с Усть-Вымом, куда я должен буду, очевидно, переправиться, является прямо-таки столицей. Здесь все же есть библиотека, музей, кино, педагогический техникум, магазины,

²⁶ Остренко Филипп Фомич – родился в 1888 г., имел низшее образование. Сначала работал токарем по металлу. Член РКП(б) с июня 1920 г. В Сибири жил с 1921 г. Занимался партийной работой в Иркутской губернии. В 1924 г. избирался кандидатом в члены Сибкрайкома, был членом уездного и губернского парткомов, делегатом XIII съезда РКП(б). С конца мая – начала июня 1927 г. служил в СибККК. В середине 1930-х годов работал в Сталинске заместителем председателя городского совета, секретарем Заводского партийного комитета. В конце 1937 г. был арестован органами НКВД, 5 февраля 1938 г. исключен из ВКП(б).

²⁷ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 16–17.

²⁸ Там же. Л. 17а–18.

²⁹ Там же. Л. 20.

³⁰ Там же. Л. 30.

столовая, гостиница и электричество. В Усть-Выме же нет ничего, кроме Центроспирта»³¹.

В результате менее чем за полгода, прошедшие с сентября 1927 г. по февраль 1928 г., в жизни Виктора Эльцина произошли существенные изменения. Они стали следствием последовательно примененных против него репрессивных мер: в конце сентября 1927 г. это была высылка в порядке партийной дисциплины из Москвы в Сибирь; в середине ноября – исключение из рядов ВКП(б) на основании обвинения во фракционной антипартийной деятельности; в январе 1928 г. – административная ссылка в Коми.

Обобщая рассмотренный частный случай, нужно сделать вывод о том, что с осени 1927 г. в арсенале политических практик, использовавшихся сталинским руководством ВКП(б) в борьбе против оппозиции, репрессивные меры неуклонно ужесточались и стали играть главную роль. Если так бесцеремонно и сурово Сталин и его сторонники расправлялись со своими товарищами по партии, преданными идеалам революции и социализма, то можно было ожидать, что еще более жесткие меры будут применены по отношению к тем, кто не разделял взгляды коммунистов и тем более сопротивлялся попыткам их воплощения в жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Октябрь в Башкирии. Сборник документов и материалов. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1979. 302 с.
2. Опальный большевик // Башкортостан в XX столетии. Исторические портреты. Вып. 2. Уфа: Гилем, 2007. С. 20–27.
3. Политические лидеры Вятского края. Биографический справочник. Киров, 2009. 730 с.

4. Эльцин Виктор. Пятая армия и сибирские партизаны // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредилковской и колчаковской контрреволюцией. М.; Л.: ГИЗ, 1926. С. 261–280.

5. Резник А. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 382 с.

6. Шабалин В.В. «И вот тогда я стал троцкистом»: к вопросу о формировании идентичности оппозиционера в 1920 гг. // История в подробностях. М., 2016, № 1–2. С. 84–89.

7. Демидов В.В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929 гг. Новосибирск, 1994. 165 с.

REFERENCES

1. October in Bashkortostan. Collection of documents and materials. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izd-vo, 1979, 302 p. (In Russ.)

2. Disgraced Bolshevik. *Bashkortostan v XX stoletii. Istoricheskie portrety*, Ufa: Gilem, 2007, vol. 2, pp. 20–27. (In Russ.)

3. Political leaders of the Vyatka region. Biographical reference. Kirov, 2009, 730 p. (In Russ.)

4. Eltsin Victor. The Fifth Army and the Siberian Partisans. *Bor'ba za Ural i Sibir'. Vospominaniya i stat'i uchastnikov bor'by s uchredilovskoy i kolchakovskoy kontrrevolyuciyey*. Moscow; Leningrad: GIZ, 1926, pp. 261–280. (In Russ.)

5. Reznik A. Trotsky and the comrades: the left opposition and political culture of the RCP(b), 1923–1924. St. Petersburg: EUSP Press, 2017, 382 p. (In Russ.)

6. Shabalin V.V. “And then I became a Trotskyite”: on the question of the forming an opposition’s identity in the 1920s. *Istoriya v podrobnostyakh*. Moscow, 2016, no. 1–2, pp. 84–89. (In Russ.)

7. Demidov V.V. Political struggle and opposition in Siberia, 1922–1929. Novosibirsk, 1994, 165 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 02.07.2018

³¹ Хогтонская библиотека Гарвардского университета. Архив Л.Д. Троцкого. bMS Russ 13 T-1091.